

3. *Макиавелли Н. Избранные сочинения / Под ред. А.К. Дживелегова. – М., 1982. – 373 с.*

4. *Ньюком Т. Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов // Современная зарубежная социальная психология: Тесты. – М., 1984. – 134 с.*

5. *Евреиновъ Г.А. Самобытность или отсталость. – СПб, 1905. – 57 с.*

Людмила Облова

Национальный педагогический университет
имени М. Драгоманова,
г. Киев

ОБ ОТЧУЖДЕНИИ НЕОТЧУЖДЕННО

Нормативное понимание отчуждения, независимо от года издания и старания собирания энциклопедии, красной ниткой несет мысль об объективном превращении сущности живого в иное. Выходит, что исходной ситуацией отчуждения принято считать превращение в свою противоположность. Угрозой же веет от отчуждения не чем иным, как появлением неподвластности того, что было “в твоих руках”. Таким образом, отчужденные, они же информативные представления отчуждения говорят, что сущность способна на трансформацию, в результате которой ей предстоит “противолечь” неподвластному. Идея такого противостояния и есть отчуждением наяву.

Возможно, говоря об отчуждении, нужно вести речь, отталкиваясь не от превращений в свою противоположность и появления неподвластного, а исходить из того, что противоположности не превращаются, а неподвластное не довлеет. Это задаст меру необходимости мыслить отчуждение непредвзято.

Итак, противоположности не способны на превращения, ибо их “вращения” происходят в самих себе, то есть неотчужденно. Не двояко, а амбивалентно. Без извращений и переработок. Поэтому то, что противостоит, без стеснений прячется за свою “половину”. Оно всегда “на обороте”. Речь идет не о покрытии, а сокрытие.

Сокрытие – это нерасчлененность себя в своем пределе, естестве. Это откровение непреодолимого единства абсолютно разного в том, что происходит. Сокрытие – прощение себя в себе, то есть бережное (покаянное, чуткое) к себе и миру отношение. Это не лелеяние мысли о собственной непревзой-

денности, а чувство самосохранения духовности, сквозящее через смиренное принятие смертности себя и освобождение места “сзади” стоящему. При этом покрытие содержит застланность (слепоту) внутреннего мира и допускает “корразию”, сдирание предшествующего. Это акт “взятия” большего в себе, а не опыт становления большим себя-однократного.

Руководствуясь желанием превзойти Другого, покрытие овладевает чужим и, наполняясь негодным, способно лишь на убыль (чуждость). На жадное, неразборчивое (исключительно негативное) обретение. Покрытие, как сдирание себя, наполняется ненужным, зряшным, и даже искусно маскируясь под должное, все равно отваживает себя от предстоящего.

Исходной ситуацией отчуждения нельзя считать превращение сущности в свою противоположность. В то, что довлеет над человеком. Отчуждение не давит, а необходимо запечатлевает (“относит” во времени) просветы вечности. На основании отчуждения мы преодолеваем стереотипы и относимся к происходящему не документально, а лично. Давит отчужденное. То есть обособленное, зафиксированное и объявленное как факт. Само же отчуждение, делая свое дело, то есть “образовывая” мнение и извлекая из происходящего смысл (кстати, вопреки не происходящему, а смыслу), неустанно показывает нам тщетность косного и так гонит нас прочь от “найденных” себя.

Отчуждение – не подарок Чужого. И не акт разрушения. Скорее, парадоксальное внимание. Напоминание смерти. На основании отчуждения мы не бурим то, на чем покоимся, а необратимо последовательно внимаем особенное. Не вторгаемся заботой, а разрешаем безболезненно и непринужденно, сквозь степенность происходящего, бежать мимо всему тому, что все равно несется на сумасшедших скоростях, минуя нас. И, сами оставленные в покое, без принуждения к переделкам, узнаем Другое. Без акта отчуждения мы не обращаем взгляд на особенное в нас.

Основанием отчуждения есть отречение. Разрешая действовать вопреки отчужденному (содержанию отчуждения), отчуждение в сущности своей убавляет нашу прыть безмерного присвоения. Воплощается отречение в форме повторения. Точно говоря, акте “поворота” (Хайдеггер). Повторение в содержании своем есть механика или, скажем, внимание как забота – безотчетливое (навязчивое) понимание, пустотное наложение явлений друг на друга. Отсюда устойчивое понимание феномена отчуждения как того, что выбивает тебя из самого себя и делает созидательное начало человека “оборотнем”.

“Все” повторяется (поворачивается) изначально, а не “инструментально”. Иначе говоря, есть так, что сущность повторения из-за переработки содержаний перманентно наступающего, никогда однозначно не узнать. Не потому, что

изначальность – маска повторения, а потому что то, что есть всегда – без-различно (неизменно и тотально). Парадокс повторения заключает собой не вечную неизбежность, то есть отчужденное, а то, что предать отчуждению (помимости), то есть избавиться, нельзя как от небывалого (бытийствующего), так и от “избитого” (повседневного). Небывалое не поддается отчуждаемости, ибо неотчужденно. Бытие не нуждается в совершенствовании и открывается исключительно вопрошанию. “Избитое” будучи собственно отчужденным, ничему живому не поддаваясь, предает его пытке. Оно вводит живое в масштабный оттиск, заставляет гигантски работать и пытается навязать мысли известную форму.

Сущность отчуждения – невозможное. Неотчуждение. Речь идет о действительном, Другом. То есть о способности сущности отчуждения разнствовать, но не оборачиваться – вдруг обернуться в нечто искусственное. Сущность отчуждения естественно необратима. То есть предельна. Поэтому сдерживает и двигается в единственном направлении. *Акт отчуждения* сопряжен невозможному. Он неотчуждаемое или неотчужденность. Естная нетость. То есть действительная попытка разнствования Другого и “образования” текста. Речь идет о созидании неотчужденного, руководствуясь неотчуждением. Это миг отчуждения неотчужденного (сказания несказанного, отталкивание от своего) как вопрошание неотчужденного отчуждания (помысливание мыслящего) – ценность безусловного – трансцендентализм. В акте отчуждения свершается полная отдача себя себе (самоотчуждение) как добровольное принятие свободы небывалого. Или безусловное принятие большего в себе как самоотдача откровенного. Акт отчуждения – встреча работающей мысли с работающим мыслью. Это “живое кольцо” (Хайдеггер) бытия. *Отчужденное* – явное, косное и безжизненное – тоже не оборачивается. Только не в силу предельности, а в результате мутации, глобальной подмены изначальности нетями временности. В результате отколотости от сущности отчуждения. Не в состоянии метафизически сдерживать, отчужденное, основываясь на отвернутости, отвергнутости, отворотности, псевдо сдерживает. То есть постоянно поддельно влияет на происходящее, выставляя барьер между человеком и миром, который заслоняет истинное понимание сути отчуждения и принуждает говорить о сущности отчуждения противоречиво и одновременно “понятно”. Отчужденное – не результат отчуждения, а следствие суррогата самоотчуждения. Это “разрыв извне”, то есть вторжение.

Таким образом, отчуждение – естественная вещь внутреннего мира человека. Благодаря акту отчуждения мы не остаемся теми, кем есть сегодня, а

остаемся существами причастными вечности и в то же время даем себе отчет о своей абсолютно необходимой конечности.

Самоотчуждение в контексте сказанного – не замкнутость на себе. Ведь отчуждение – не замкнутость, а присущность завершению, отношение неожиданности становления. Поэтому отчуждение, которое не противостоит своей сущности, но противоречит отчужденному, есть добровольное согласие не на уход от мира, а на исход. Самоотчуждение – поправление, то есть отбояривание, отодвинутость себя и в такой способ необходимая возможность победить греховное и испытать вечное. Самоотчуждение – это и есть акт отчуждения, знаменующий нас метафизически “живыми” существами.

Отчуждение есть то, что показывает относительность (временность, необратимость) происходящего. Поэтому то, что человек не в состоянии “дотянуться” до истины – это нормально, ибо ему еще есть что мыслить и к чему обращаться. Человек не в силе объективировать неиное (Кузанец) в силу реальной работы действительности. Сквозь квазистановление иного неиным. Отчуждение показывает нашу внутреннюю противоречивость: возможность увидеть мир с неожиданной стороны и невозможность не зреть особенное в мире. Неотчуждение – это безотносительность (субъективность) происходящего. Критерий действительности. Мера объективности в нас и мире. Самоотчуждение – самое отчуждение противоречия и становление противостоящим. То есть полное “попадание” в непротиворечивое. Или поправление присвоения преодоленного. Поэтому неотчуждение (необходимость себя) и самоотчуждение (освобождение себя) – равновеликие силы. Отчуждение при этом – это дистанция (интервал), мнимо их различающая и неявно их единящая. То есть отчуждение не “среднее означенное” (Кузанец), а путь от неотчужденного (пустоты) к неотчужденному (чистоте) через самоотчуждение. Иначе, сквозь “разрыв изнутри”, то есть “второе рождение” (М. Мамардашвили).

Основанием отчужденного сказа об неотчужденности можно назвать сверхчувственную сущность, повившую сетку мнимого общения людей и полонившую естественную способность человека выражать (отчуждать) предельное, освобождая место предстоящему. Современник предпочитает изымать “ведомость”¹ вместо необходимости переживать откровение. При этом подержанная (искусственная) целостность пытается занять место грядущего, насильственным вытеснением подлинного. Одновременно, мутация единения выгодно представляется

¹ «Ведомость» – это такое знание, которое будучи поведанным однажды, предано ресентименту, то есть уже не может быть забыто, но и положительного, позитивного лишено. Это назойливое, «ноющее» знание, которое кроме использования ничего не несет и соответственно не способно формировать человека до уровня личности. А вот заблокировать развитие в себе человеческого – его истинная нацеленность.

нужной и должной. А истинно предельное превращается в фон, отголосок, эхо. Другой кажется самым не своим, то есть Чужим, а Чужой вступает в силу и населяет внутренний мир барьерами (комплексами).

Олег Галазюк

Харківський інститут економіки
ринкових відносин та менеджменту,
м. Харків

СВІТОГЛЯД І НАУКА: ПРОБЛЕМА СВІТОГЛЯДНИХ ЗНАНЬ І ПЕРЕКОНАНЬ У СУЧАСНІЙ НАУЦІ

Глобальна економічна, екологічна, демографічна криза становлять людство на межу існування. Актуальність розгляду проблеми світоглядних знань та переконань у сучасній науці диктується насамперед тим що, сучасна наука розвивається шаленими темпами, випереджаючи формування світоглядних ідеалів, продукування етичних та естетичних цінностей, які б могли відповідати вимогам сучасного стану співвідношення людини та Природи. Здебільше вчені мають дефіцит світоглядних переконань, їх знання обмежені вузькою шпаринною кваліфікації у певній галузі знань. Світоглядні знання сучасних вчених позбавлені холізму, роздроблені та не впорядковані. “Домінування цілого є чи найвиразнішою характеристикою філософського мислення” [1, с. 14]. Але сама сучасна філософія потерпає від відсутності холізму і здебільше обмежується певною проблемою та застосовує у її дослідженні обмежені традиції філософської школи чи напрямку. Засновник Львівсько-Варшавської філософської школи Казимир Твардовський завжди виступав за світоглядну цілісність у наукових дослідженнях: “Поza сумнівом, для кожного, кому не вистачає традиційного релігійного погляду і хто разом з тим не уміє дивитися на світ, безглуздо крокуючи по життю, для того питання філософського світогляду є надзвичайно важливою справою” [2, с. 38]. Він підтримував різні напрямки у філософському дослідженні, але вимагав фундаментального володіння засобами історико-філософського обґрунтування при вирішенні та розв’язанні філософської проблеми чи наукового завдання. Сучасні же вчені орієнтуються по перше, на комерційний успіх, а по друге, на традиції школи до якої належать. Їх мало цікавлять наслідки впровадження їх наукових здобутків у життя. Тому все більше наука відривається від світоглядних критеріїв оцінки здобутих наукових знань.